

ЛАУРЕАТ

Томск — город студентов и профессоров. На каждом шагу здесь университет или библиотека, гимназия или общежитие студентов. Много здесь путей, которые ведут человека в науку. Но Володька Полухин ни на один из этих путей так и не попал. Когда ему было 9 лет, мать работала в приюте воспитательницей. А он с приютскими ребятами начинал искать пути в жизнь.

Пути эти были очень заманчивые, но опасные. Они на первый случай привели Володьку в детскую исправительную колонию. Случилось это так:

В те времена Сибирью правил Болчак. В Томске были чехи, белогвардейцы. В приюте ребята голодали. Чтобы чем-нибудь наполнить свои требовательные желудки, воспитанники шли на базар, выпрашивали милостыню, воровали. Из всех способов добычи пищи Володька считал наиболее рациональным — воровство. У Володьки по этому вопросу были единомышленники: Сашка Теплов — коренастый курносый крепыш и Митька Хомутов — черный, остроносый и шустрый, как котенок.

Однажды Володька, Сашка и Митька пролезли в товарном вагоне под. Искать консервы. Когда в прорезанную дыру пролез тоненький, как селедка, Митька, в подолы друзей посыпались... гранаты.

Через час тишину приютской роши нарушил грохот взрывов. Чехи переполошились.

— Партизаны!
— Налет!

В гарнизоне боевая тревога. Рошу окружили вооруженные части. А ребятники, не замечая развернувшихся событий бросали гранаты в перепуганных воров.

Но попались ребята не на гранатах, а на бухгалтерском портфеле. Украли у бухгалтера портфель. Сашка зажал его в руки, как самородок золота. Бежал и думал: «деньги, много денег». А когда дрожащими пальцами раскрыл кожаную сумку, — там оказались одни бумаги. Перепуганный бухгалтер заявил о пропаже в милицию. Воров разоблачили и отправили из приюта в исправительную колонию.

Здесь Володька впервые узнал, что такое труд. Была уже советская власть. Воспитанников колонии приучали к работе. Володька пошел в сапожную мастерскую. Здесь он полюбил здоровый запах дегтя, мягкие постукивания сапожных молотков, приятное шуршание наваренных дратв и скрип кожи.

Сбежал Володька из колонии. Колесил по стране. Работал на текстильной фабрике катушечником, сплавлял по Северной Двине лес, был конотомом в Горловке, землекопом в Матвигорске, ко-

четаром — на канифольном заводе в Барнауле.

Страна бурно росла. Юноша Полухин видел эту гигантскую стройку. Его какая-то неведомая сила тянула в гущу этой кипучей жизни. Впервые он стал задумываться над тем, что же делать ему. На каком участке строить новый прекрасный дом — социализм?

Кочегар Полухин пошел в театр. Он этого не испугался. Он видел, как страна, партия большевиков выдвигает безпризорников в писатели, рабочих — в академики, хлеборобов — в ученые. Днем Полухин наполнял топку локомотива сверкающим антрацитом, а вечером играл на сцене Барнаульского театра драмы. Актеры полюбили проворного, любознательного и способного юношу Полухина. Вместе с труппой он приехал в 1935 году в Красноярск. Театр стал родным домом молодого актера. Ему уже «дают» хорошие роли, зритель уже различает его в среде актеров и всегда хорошо встречает. И не редко можно слышать:

— Володя Полухин?
— Этот с ролью справится.
— Сыграет.

И Володя всегда справлялся.

Но сцена театра, его декорации оказались тесными для Володи Полухина. Его голос готов был прорваться сквозь фанерные стены кулис и расплавиться в буре аплодисментов. Володя чувствовал сердцем, что ему надо больше, что он говорит не во весь голос. И вот Полухин заговорил. Случилось это так:

Летом 1938 года театр выехал на гастроль на курорт Шира. Однажды срывался концерт. Надо было «заткнуть ды-

ру» в программе. Публика беспокоилась, шумела. Руководитель концерта терял голову. В отчаянии он умолял Полухина выступить на концерте с художественным чтением.

Полухин отбивался руками и ногами. Он ни разу не участвовал в концертах. И только тревога за актерский коллектив заставила его выйти к рампе. И здесь он открыл себя. Он прочитал рассказ Зощенко «Баня». Ему аплодировали и кричали «бис», его заставляли читать снова и снова. А вырвавшись от возбужденной публики, Полухин попал в объятия актеров. Его поздравляли с успехом, качали, целовали.

Прошло полтора года. Разговорник Полухин снова встал у рампы. Только это была рампа не Ширинского театра, а Колонного зала Дома Союзов в Москве. Полухин стоял и волновался. Ведь сейчас его, бывшего сапожника и кочегара, услышит Москва, две тысячи актеров, писателей и композиторов. И он снова заговорил. Теперь его слушал сам автор рассказа «Баня» М. Зощенко.

«Только бы не растеряться, не подвести товарищей. Ведь меня послали сюда эстрадная Сибирь. Сотни актеров Сибири оспаривали право быть участниками всесоюзного конкурса артистов эстрады. И все они уступили место одному мне».

И Полухин не растерялся. Ему аплодировали так же, как тогда летом 1938 года в Шира. Но сейчас его руку с благодарностью жали не актеры Красноярского театра, а сам автор «Бани» Зощенко.

— Изумительно, вы по-новому трактуете мой рассказ... Я не ожидал такого успеха... Хорошо... Замечательно.

Недавно в Красноярскую филармонию вернулся из Москвы разговорник Полухин. За доверие, которое оказали ему товарищи, посылая на конкурс, он отблагодарил достойно. Он привез из столицы звание лауреата.

Володя Полухин очень молодой актер. У него мал опыт. Но у него большой талант и любовь к делу. В работу, в творчество он уходит весь без остатка. Всем сердцем он любил в детстве шум сапожной мастерской, он любовался сделанными туфлями, он, не отрываясь, смотрел в топку локомотива, на пылающий огонь. И сейчас он всей душой актера, советского гражданина любит сцену, умного, требовательного и благодарного советского зрителя...

Но есть у Володи Полухина еще одно замечательное качество. Он не умеет зазнаваться и жадно впитывает в себя культуру, знания. И в этом хочется пожелать нашему товарищу, лауреату всесоюзного конкурса артистов эстрады — Володе Полухину больших успехов.

А. НИЖЕГОРЦОВ.